

ПОЛИТИКА КАК ФЕНОМЕН ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Первый тип взаимоотношений. Состояние приобщения человека к политике, выражающееся в разнообразных формах политически активного поведения и характеризующееся стремлением решить жизненно важные проблемы через воздействие на систему политической власти.

Второй тип взаимоотношений. Состояние отчуждения, которое характеризуется разрывом связей человека и политической системы, сосредоточением усилий на реализации частных интересов вовне и в противопоставлении общему интересу. Нормы общественной жизни по различным причинам теряют свое значение, не рассматриваются людьми в качестве авторитетных инстанций, регулирующих их поведение и отношения между собой.

Третий тип взаимоотношений. Полное слияние человека и политической структуры, подчинение личной жизни потребностям общества и ритму изменения, растворение индивидуальной жизни в политической: «...политический человек жаждет уважения через власть».

Акцентировка внимания, жизненных усилий человека именно на такой форме самореализации создает специфический тип «авторитарной личности», характерными чертами которой являются:

- конвенционализм – отзывчивость на внешнее давление, принятие внешних ценностей;
- несбалансированное уважение к авторитету;
- перенос ответственности и враждебности вовне, с индивида на внешние силы, находящиеся вне контроля;
- стремление мыслить «сильными», но

упрощенными категориями;

- желание власти и боязнь ее;
- оправдание своего поведения поведением других;
- вера в присутствие и вмешательство в политику мистических сил: заговоров, конспирации и т.д.

Ныне становится все более ясным, что формирование ответственного отношения человека к политической деятельности возможно только при введении его в ситуацию социального и жизненного выбора. Поэтому демократизация и гуманизация общественных отношений, расширяющая границы такого выбора и не перекладывающая ответственности с личности на структуры, служит важнейшим направлением в повышении влияния человека на политическую жизнь, позволяет отразить в ней многообразие интересов, которые политика должна учитывать, и потребностей, которые она должна удовлетворять.

Источники и литература

1. Debray R. Critique de la raison politique. – Paris, 1981.
2. Гегель. Сочинения. – Т. VII. – М.: «Мысль», 1935.
3. Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: «Наука», 1993.
4. Marcuse H. One Dimensional Man. – Boston, 1966.
5. Lane R. Political Life. – England, 1959.
6. Тишков В.А. Что есть Россия? // Вопросы философии. – 1995. – № 2

Гадеев А.В.

ГЕРМАНСКИЙ ФАШИЗМ – ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАРАЗИТИЗМА

Может ли фашизм как социально-политический и морально-психологический феномен быть в наши дни сочтен категорией, сугубо исторической? Кажется совершенно ясно, что не может... Парадоксально, но факт: пережив вторую мировую войну и испытав на себе всю тяжесть «нового порядка» в Европе, современное общество оказывается не в состоянии полностью оградить себя от рецидивов фашизма.

И только ли в том корень зла, что в наши дни тут и там возникают либо возрождаются, а кое-где и длительное время сохраняются неофашистские организации и движения? Не важнее ли тот факт, что до сих пор еще не изжитая связанная с фашизмом тоталитарная тенденция, носители которой отыскиваются в любом, даже самом развитом демократическом обществе? Эту тенденцию постоянно питают в разной степени укорененные в политических культурах представления индивидуумов и целых социальных групп о «сильной власти», якобы способной жесткими силовыми методами управления одолеть сложные социально-экономические и политические проблемы, угнетающие людей...

Словом, не даром тема фашизма (который обнаруживает незаурядные способности трансформации и приспособления) до сих пор не оставляет равнодушными людей разных поколений, не позволяет успокаиваться людской совести – а также и мысли, в том числе научной...

В последние годы дискуссии о германском фашизме как особом явлении XX века приобретают все более острый характер.

Как свидетельство этого является появление на свет ряда фундаментальных научных исследований, раскрывающих природу фашизма. Это прежде всего, двухтомная коллективная монография «Современная Европа после фашизма. 1943-1980 годы» [1]; сборник научных статей немецких авторов «Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований» [2]; книга старшего научного сотрудника ИВИ РАН О.В. Вимлева «Накануне 22 июня 1941 года» [3], коллективный труд «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1943–1941 гг.» [4], книга Мягкова М.Ю. «Вермахт у ворот Москвы. 1941 –

1942» [5].

Политические и идейные противники нередко используют; понятие – «фашист» как особое клеймо, после чего все рассуждения теряют смысл. Чаще всего к такому способу ведения дискуссии прибегают тогда, когда нет других, убедительных аргументов. Это и вызывает сомнения в нравственности таких злоупотреблений.

Произвольное использование понятий "фашизм", "фашист" неизбежно вызывает протест и в России, и в Украине, и в других странах СНГ. Для русского и украинского народа и всех других народов бывшего СССР это не предмет отвлечённого рассуждательства или произвольного выбора оснований для оправдания выгодных оценок, – для нас это прикосновение к еще не зажившим ранам, к тяжелым болям, к невосполнимым потерям, к тревогам за историческую судьбу всего национально-государственного бытия.

Но есть, пожалуй, и другие, может быть более глубокие причины обостренного внимания к изучению и пониманию германского фашизма, – в период сложных политико-экономических изменений и поляризации социальных сил обращение к истокам победы над германским фашизмом просто неизбежно. Изучение такого исторического события позволяет сосредоточиться на главных предпосылках, обеспечивающих национально-государственное единство всех социальных групп, военную, экономическую и духовную независимость Украины и России. В сущности внимание обращается здесь на такие области социальной деятельности, где результаты принимаемых решений трудно исправлять на ходу.

От понимания германского фашизма существенно зависит оценка созидательного смысла нашей победы в 1945 г., осмысление всех итогов той войны и подвига советского народа в разгроме мощной агрессивной силы. Поэтому цена неведения, а тем более сознательных искажений, здесь особенно велика.

Существующие концепции германского фашизма крайне расплывчаты. Часто они уходят от главных его характеристик и мешают объективному изучению этого сложного явления. Уже накануне Фашистского нашествия и особенно в ходе тяжелой войны стало ясно, что незнание и непонимание этого опасного врага может дорого обойтись всем народам, подвергшимся агрессии.

В данной статье на основе многочисленных исторических документов, в которых национал-социалистическое руководство формулировало цели войны против СССР и, прежде всего, против русского народа, доказывается, что германский фашизм – это особо опасная форма социального паразитизма – национально-государственный паразитизм. Этот вывод опирается на тяжелый опыт советских людей, оказавшихся тогда в оккупации.

Идеология и политика превращения других народов в объект военно-силовой колонизации, экономической экспансии, политического давления разработана и используется давно. Об этом свидетельствует захват огромных территорий странами Западной Европы в течение последние

четырёх столетий. Фашистская Германия, опираясь на этот опыт, разработала свой вариант колонизаторской политики, в котором национально-государственный паразитизм становится главной целью и организующей основой всей жизнедеятельности немецкого народа.

Понимание, изучение, знание врага и опасностей его нашествия на Отечество – это, может быть, главная предпосылка, обеспечивающая выбор наиболее эффективной дипломатической стратегии и достижения победы в любой войне. К сожалению, в нашей предвоенной и даже послевоенной социально-исторической литературе и публицистике не было серьезных исследований, раскрывающих природу такого опасного противника, как германский фашизм. Длительное время безраздельно господствовало его истолкование как террористической диктатуры крупного финансового капитала, выражающей интересы наиболее реакционных социальных сил в эпоху империализма.

В многочисленных публикациях эта концепция обрела вполне убедительной системой аргументов. Она ориентировала на то, что в войне с фашистской Германией наши вооруженные силы столкнутся, прежде всего с представителями трудящихся классов – рабочими и крестьянами, которых крупный финансовый капитал обманул и силой гонит отстаивать чуждые им интересы. Поэтому решающее значение приобретают такие формы пропаганды, которые раскроют им глаза на несправедливый характер войны против СССР. Они скоро поймут, что господствующий класс фашистской Германии вовлек их в грязную авантюру.

В первые месяцы войны отношение советских солдат и офицеров к пленным немцам определялось, исходя из этой концепции германского фашизма. В ответ они встречали насмешки, озлобление, неуважение, оскорбления. У них неизбежно начало формироваться критическое отношение к такому официальному пониманию германского фашизма. Эта концепция не согласовывалась с действиями германской армии, с наглым поведением немецких солдат.

Советские люди на своем тяжелом, кровавом опыте войны открывали, что это была не только хорошо вооруженная и организованная сила – это была беспощадная сила, не останавливающаяся ни перед какими карательными действиями, убийствами, грабежами и унижениями. Официальная концепция германского фашизма воспринималась на основе этого опыта как односторонняя и даже опасная. Она привела к стратегическим просчетам, мешавшим подготовить наши вооруженные силы и народ к войне с реальной Германией, мощными вооруженными силами, с завоевательскими убеждениями солдатской массы. Немецкий солдат пришел в нашу страну как захватчик, ненавидевший своих – «братьев по классу» в СССР.

Броские официальные лозунги: «Будем воевать на чужой территории», – «Ответим тройным ударом на удар-поджигателей войны?», и т.д. – так

ГЕРМАНСКИЙ ФАШИЗМ – ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАРАЗИТИЗМА

же не основывались на знании реального врага. Необъективные представления о военном потенциале фашистской Германии помешали подготовке Красной Армии к возможному тяжелым оборонительным сражениям, к стратегической обороне,

Пропагандистская неодоушвленность, сталкиваясь с новой реальностью – с тяжелыми боями в условиях отступления, быстро испарялась, оставляя недоумение и раздражение. Не основывались на глубоком изучении противника и важные заявления И.В. Сталина в речи на параде 7 ноября 1941, Германия не была – «вулканом, готовым взорваться в любой момент», и не лопнула под «тяжесть своих преступлений» – ни «через полгода», ни через год» – она рухнула только тогда, когда, ей, по выражению Т. Манна, проломили череп в Берлине. Для этого потребовалось почти четыре года изнурительной войны, миллионы жертв, страшные разрушения многих сел и городов.

Перестраиваться пришлось на ходу, в условиях, тяжелых оборонительных сражений. Стало ясно, что надо не столько искать классовых союзников в фашистской Германии, в ее армии и в мире, – а собирать свои собственные национально-государственные силы на новую Отечественную войну.

Возможности маневров на основе «классовых интересов» сузились предельно. Опыт войны становится главным побудителем и источником новых поисков и размышлений, решений и оценок. Он превращается в беспощадного свидетеля и неподкупного судью всякой бездарности, неведения, резонерства, неорганизованности, бахвальства, равнодушия, цинизма, предательства.

Опыт народа и армии в годы Великой Отечественной до сих пор является основой для оценки всех других концепций германского фашизма. Ограниченные возможности его понимания содержатся и в концепции, согласно которой германский фашизм является наиболее отвратительной формой расизма и антисемитизма. Опыт войны убеждает, что преследование и уничтожение евреев не были главной, стратегической целью установления «нового порядка» в мире и завоевательной войны на Востоке. Не менее жестоко они относились к русскому народу и другим славянским народам. Разрушительные последствия установления «нового порядка» испытали многие народы Европы.

За последнее десятилетие в нашей и зарубежной публицистике распространилось понимание германского фашизма как особо опасной формы тоталитаризма, ставящего все ресурсы государства на службу войне. Такое понимание также не обладает большими объяснительными возможностями. Как известно, в истории было немало государств, готовивших и осуществлявших большие завоевательные походы. Однако их вряд ли следует рассматривать как фашистские.

В годы «демократической революции» появились рассуждения о германском фашизме как особо

опасной форме неприятия идеи демократии, свободы и рыночных отношений западного типа. Надуманность этой концепции очевидна. Она рассчитана на тех, кому не известны ни факты, ни документы, ни поведение руководителей фашистской Германии. В своих речах они часто повторяли, что национал-социалистская Германия выражает и представляет все достижения Европы – культурные, экономические, политические и т.д. Скорее всего, такое понимание германского фашизма преследует цель опорочить патриотическое движение в России, которое пытаются представить как современную разновидность фашизма.

Все такие концепции германского фашизма страдают одним недостатком – произвольным выбором оснований и крайне бедной фактической базой. В них без ответа остаются главные вопросы: почему фашистскому руководству удалось объединить и организовать раздробленный и деморализованный немецкий народ в мощную завоевательную силу? Почему такой большой развитый европейский народ принял и проводил политику организованного насилия, беззакония, жестокого попрания элементарных прав других народов на жизнь, безопасность, на владение своими территориями, ресурсами, культурными ценностями? Остается без вразумительного ответа и вопрос о том, каким же образом крупному финансовому капиталу и его террористической диктатуре удалось повести за собой миллионы немцев, организовать их и воодушевить на завоевательные походы.

Ответы на эти вопросы следует искать, прежде всего, в социальной доктрине и в социальной политике, которые разрабатывались и реализовывались руководством национал-социалистской партии Германии. Это и будет тем основанием, которое позволит с единой точки зрения понять цели, методы, аргументы и последствия завоевательных походов фашистской Германии.

Внимательное изучение многочисленных документов и практических действий гитлеровского руководства навязывает вывод, что германский фашизм был, прежде всего, политикой, идеологией и организованной формой национально-государственного паразитизма. Вообще в новой и новейшей истории вряд ли можно найти еще один пример такой циничной пропаганды, оправдания и поэтизации социального паразитизма в его самой опасной форме.

Многовековая история человеческого общества находила различные виды социального паразитизма. К сожалению, это многоликое и крайне разрушительное явление еще мало изучено как в наших, так, по-видимому, и в зарубежных исторических и философско-политических исследованиях. Социальный паразитизм – это особый способ жизнедеятельности отдельных людей, социальных групп и целых этносов. Он основывается на корыстном присвоении результатов как физического, так и умственного труда.

Такое присвоение совершается при помощи насилия, беззакония, устрашения, демагогии, обмана, дезинформации, целенаправленного духовного разложения и других способов. Паразитический образ жизни многолик. Он может не только эксплуатировать невежество, доверчивость, неопытность, неорганизованность и инертность людей, но и активно их распространять и насаждать. По-видимому, нет такой формы социального паразитизма, который был бы необходим и полезен его многообразным жертвам.

В данной статье нет возможности анализировать проблему подробно. Кратко охарактеризую наиболее существенные формы социального паразитизма.

1. Колониальный паразитизм – в виде завоеваний и военно-силового захвата чужих территорий, присвоения ресурсов и грабежа разнообразных богатств, созданных в многовековой истории народов. Завоеватели принуждали покоренных ими людей к рабскому труду на самых тяжелых условиях. Такой вид паразитизма осуществлялся и насаждался колониальными завоеваниями стран Западной Европы, начиная с XV–XVI вв. Они позволили сосредоточить колоссальные богатства в руках господствующих классов, в государственных организациях и ростовщических кланах. Накопленные богатства использовались для ослабления многих внутренних конфликтов в этих странах, для наращивания их экономических, технико-технологических и силовых преимуществ перед другими государствами.

2. Паразитизм в форме коррупции – подкупа должностных лиц и политических деятелей, «подкармливания» политических партий и других общественных организаций – с целью устранения и обструкции оппонентов, поддержки непопулярной политики насилия, демагогии, национального предательства и т.п.

3. Паразитизм в форме мафии – грабежа, насилия, убийств, шантажа и других видов организованной преступности, террористического устрашения народа, политических движения и отдельных людей.

4. Паразитизм в финансовой области, или финансовый паразитизм. В современном мире эта форма социального паразитизма становится особенно притягательной. При помощи спекуляции, дезорганизации государственной финансовой системы, финансовых авантюр и других махинаций возможно присваивать огромные материальные богатства: землю, рудники, заводы, стратегическое сырье, драгоценные металлы, культурные ценности и т.д. На смену средневековому паразитическому ростовщичеству приходит его отвратительная современная форма –

так называемое «прокручивание денег» с целью обогащения, займы различных международных финансовых центров под кабальные проценты и т.п.

5. Национально-государственный паразитизм, когда основная масса всех социальных групп народа становится активным соучастником, проводником и заинтересованной стороной в реализации политики военных завоеваний, военно-силового разрешения международных конфликтов, организованного грабежа захваченных стран и установления силового господства над побежденными народами. Опыт нашего народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. свидетельствует, что это чрезвычайно опасная форма социального паразитизма.

Все виды социального паразитизма эксплуатируют и подавляют человека, превращают его в орудие реализации чуждых ему целей и интересов. Они оказывают активное, чаще всего скрытое, воздействие на формирование идеологических концепций, на искусство, на систему экономических отношений, законодательство и другие социальные сферы.

Национально-государственный паразитизм открыто провозглашает политику организованного насилия над другими народами в качестве главной цели жизнедеятельности и жизнеустройства победившей нации. Поэтому вся идеология в фашистской Германии – от мифов до практически реализуемых лозунгов – основывалась на возвышении силы, насилия, организованного грабежа, идеализации военных завоеваний, на поэтизации сильных личностей и героических народов. Это и позволило превратить немецких солдат в мощную завоевательную и беспощадную военную силу.

Источники и литература

1. Modern Europe aftier Fascism 1943–1980 г.// п.У.-2000.
2. Васильев О.В. Накануне 22 июня 1941 г. – М.: Наука, 2001. –230 с.
3. Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. – М.: Мир, 1997. – 700 с.
4. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1943-1941гг. – М.: Индрик, 1999, – 526 с.
5. Мягков М.Ю. Вермахт у ворот Москвы. 1941 – 1942 – М.:РАН, 1999. – 305 с.

Кузьмин Н.Н.

О СОЦИАЛЬНО-РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫХ ОСНОВАНИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Большую часть развития теоретической социологии и социальной философии проблемное поле данной сферы гуманитарного знания было распределено между полюсами объективизма и субъективизма. Часть исследователей считала социальную структуру определяющим элементом социальной реальности,

другие отдавали приоритет в детерминации действующему субъекту. Последняя треть XX века в развитии социальной теории ознаменована тенденцией преодоления дихотомического распределения социального знания. Ведущие представители данной области гумани